БРЕДЪ.

Усталый, изнеможенный воротился я съ прекраснаго, великолѣпнаго бала. Заря занималась; Божій міръ, послѣ законнаго отдыха, собирался отряхнуть студеную росу съ вѣкъ своихъ и оживалъ для дѣла, для труда и работы; думаю, что въ окрестныхъ селахъ босыя ноги уже спускались съ полатей, кутниковъ, кониковъ, голбцевъ, лавокъ и печей; что гласная позѣвота и тихая утренняя молитва просыпались, и что тутъ и тамъ костистые кулаки съ просонья старались попасть въ рукава зипуна и сермяги. А я, съ одурѣвшею головою, въ полупамятномъ состояніи, ѣхалъ домой, покончивъ ночь восхитительною пляской.

Мнѣ, конечно, было не до работы; чуть только не ползкомъ добрался я до логовища своего — какъ и что съ меня стянули, этого теперь не помню, хотя я право былъ не хмѣленъ, по крайней мѣрѣ

не отъ вина: — затѣмъ, все пошло бродить вокругъ меня толчеей, а я лежалъ въ усладѣ, но не могъ пошевелить и мизинцемъ.

Отъ глупой головы и ногамъ–рукамъ житья нѣтъ, подумалъ я, или не подумалъ, я думать не могъ въ это время, а навѣялась откуда–то такая думка: а почему же никто не скажетъ, что отъ глупыхъ ногъ головѣ нѣтъ угомону? — Вотъ, ночь на пролетъ ноги мои все писали городки да разводы по паркету — и ужъ какъ писали! — а теперь, какъ будто голова не своя; чего не своя, да я незнаю, на плечахъ ли она у меня? Вотъ пощупалъ бы — да не могу и пальца пошевелить, не только поднять руку.... А балъ великолѣпный — и что прелестей — вотъ тянутся вереницей, летомъ, летомъ.... бѣленькая, розовенькая, бѣленькая, голубенькая, еще розовенькая.... и все это кружится, вьется, несется.... что–то мутно становится и темно.... все это, конечно, одна оболочка, однѣ будущія выползины.... а что съ нихъ, этого не видно; чужая душа — потемки; все это, конечно,

подготовлено не на вѣкъ, потому что день нашъ, — вѣкъ нашъ, а что тамъ будетъ — этого никто не знаетъ, никто не видалъ....

Что за неумѣстное воображеніе! Кстати ли теперь поминать вѣчность, когда тѣшимся насущимъ....

Болѣе я ничего не помню; продолжалъ ли я бредить на яву, уснулъ ли я и видѣлъ сонъ, и отчего такой странный, дикообразный — ничего не знаю. Попалъ я куда–то, только не на балъ, а будто на похороны, да знать не наши, обряды были не тѣ, а неизвѣстнаго мнѣ народа; одежда будто наша, да насмѣхъ перелицована и перекроена; фраки были на людяхъ куцые, а поддѣвки или жилеты съ хвостами, и увѣряли меня всѣ въ голосъ, что это–де и пригожѣе, да и приличнѣе; въ зубахъ, каждый изъ нихъ съ какою–то ужимкою держалъ *цивилизацію*, такъ назывался у нихъ снарядецъ, на которомъ установлено было какое–то стеклышко въ оправѣ, черезъ которое они другъ на друга глядѣли. Наконецъ всѣ окружили покойника, и одинъ сталъ говорить рѣчь. Рѣчью этою я

былъ смущенъ и пораженъ до того, что не могу этого высказать: онъ говорилъ одну только похвалу покойнику, говорилъ такъ красно и убѣдительно, какъ у насъ никто говорить не умѣетъ, а между тѣмъ, из–за этой хвалебной рѣчи, я слышалъ очень ясно и отчетисто, другую рѣчь, которая даже какъ будто заглушала и вовсе устраняла первую. Мнѣ казалось, будто всѣ прочіе слышатъ только первую и очень довольны ею, очень тронуты: а я, какъ пришедшій со стороны, слышу и понимаю совсѣмъ иное. Странно, что именно эта двойниковая рѣчь, вторая, врѣзалась въ бреду этомъ въ память мою отъ слова до слова, тогда какъ первая, похвала заслугамъ, достоинствамъ и качествамъ покойника, осталась въ памяти моей только въ самыхъ общихъ чертахъ, по смыслу ея; но я слышалъ и понималъ обѣ. Вотъ вторая, довольно дикая и странная, какъ она была мною тогда же записана:

Послѣдній бенефисъ или скоморохъ раскланивается.

Передъ нами, отцы и братья, лежитъ человѣкъ, нѣтъ, не человѣкъ, трупъ; но и

это звучитъ грубо, развѣ прибавить бездыханный; обычно называютъ его также бренными останками, прахомъ, какъ зовутъ и прасола, кулака дармоѣда. Но это только случайное созвучіе, не идущее къ дѣлу.

И такъ, передъ нами лежатъ бренные останки, прахъ. Но что же это такое? Что значитъ: трупъ, прахъ, останки, да еще и бренные? — Помню, что нѣкто называлъ такъ истасканную одежду свою, ошурки, обноски, отопки, никуда негодные пожитки, зовомые также хламомъ, буторомъ, даже шарабарой.

И вправду, истасканная одежда, обноски съ отопками, вотъ что лежитъ теперь передъ нами. Какъ изношено, такъ и сложено, все въ цѣлости. Портной назвалъ бы вещь эту полною парой, служащій мундиромъ, иной халатомъ, а крестьянинъ тяжелкомъ, какъ зоветъ онъ рабочій заплатанный зипунъ свой; а бояринъ не зналъ бы какъ и назвать его, до того облаченіе его разнообразно и сложно. Между тѣмъ, если бы передъ нами лежали въ растяжку и обноски такого боярина,

спрашиваю васъ, куда бы намъ теперь съ ними дѣваться? Вчера еще облаченію этому не было цѣны — а нынѣ, взгляните на него, не чуждайтесь своихъ обносковъ; — а нынѣ; что оно? — ветошь эта до того истаскана, что послѣдній нищій не приметъ ее въ подаяніе; какъ ни величай ее, а она никуда не годна, развѣ только годна къ тому, чтобы поплакать надъ нею и помянуть путемъ, по заслугамъ, того, кто эту пару, этотъ тяжелко на себѣ износилъ, кто истаскалъ его до ветоши.

Тяжелко — эта кличка мнѣ какъ–то по нраву — тяжело изношенъ и сброшенъ. Да, кому не тяжело износить такую плотную, добротную вещь до тла; кому не тяжело промаяться и протолкаться съ нею до конца, въ этой суетѣ и суматохѣ, въ этой тѣснотѣ и давкѣ, гдѣ нельзя шагнуть впередъ, не осадивъ сосѣда локтемъ назадъ; гдѣ нельзя приподняться, не взмостившись другъ на друга, а между тѣмъ надо дѣлать это ловко, осторожно, искусно, надо убѣдить всехъ стоящихъ поодаль зрителей, что паришь самъ собою на

воздухѣ; вспомните, что тяжелко этотъ изношенъ въ обществѣ нашемъ, между нами, гдѣ вся задача условнаго быта заключается въ удачномъ сочетанiи лисьяго хвоста съ волчьимъ зубомъ, тогда какъ Создатель нашъ не далъ человѣку ни того, ни другаго, а прiобрѣтается это только долгимъ, маятнымъ трудомъ. Воздадимъ же достойное достойному; устранимъ всякую лесть, но и всякую зависть; онъ уже не станетъ болѣе, ни осаживать кого либо изъ насъ локтями, ни взмащиваться на сутулыя плеча наши — онъ выбрался на чистую дорогу, куда бы она ни привела его, а намъ покинулъ память по себѣ, да тяжелко свой, непригодный болѣе ни ему, ни намъ.

Покойникъ, какъ принято называть того, кто истаскалъ тяжелко свой въ прахъ, покойникъ воспитывался тамъ и тамъ, въ такомъ–то заведенiи, или дома; все равно. Изъ одного этого вы видите, какiе достойные, рѣдкiе люди были воспитатели его, какое примѣрное образованiе ему предстояло. Учить, обучать, значитъ передавать свѣдѣнiя, познанiя, пересыпая

ихъ устно и чрезъ пропускную печатную бумагу въ память ученика; воспитывать, значитъ передавать правила и пріемы, какъ донашиватъ свой тяжелко и какъ его въ свою пору съ себя сбросить. Первое ученье, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, необходимо, чтобы съумѣть дать отвѣтъ во время испытаній; второе жъ, умѣнье носить кафтанишко свой лицемъ наружу, а ничкой въ себя, еще нужнѣе, потому что ходить по бѣлу свѣту въ вывороченномъ на изнанку кафтанѣ, нельзя. Посему покойникъ и навыкалъ, какъ словесная тварь, къ словесной рѣчи — это лице кафтана — а какъ разумная тварь, къ различенію слова отъ *дѣла*, или, что одно и тоже, чувствъ и мыслей отъ слова; это ничка, изнанка, которую всякъ бережетъ про себя. Но, говоря одно, а думая и дѣлая другое, онъ изрѣдка только выказывалъ свой волчій зубъ, успѣшно замѣняя его лисьимъ хвостомъ, что и служитъ признакомъ и ручательствомъ надежнаго воспитанія. Вы конечно поняли, любознательные слушатели, что это одно только обычное

иносказаніе: что зуба, въ прямомъ смыслѣ, хвостомъ не замѣнишь, и что подъ этою картиною, для большей наглядности и назидательности, разумѣется умѣнье, навыкъ или снаровка носить тяжелко свой лицомъ наружу, сгибаясь и кутаясь имъ такъ, чтобы ничего не сквозило. Какъ острый, даровитый мальчикъ, покойникъ, съ самой молодости своей, скоро понялъ всю суть и сполна ее себѣ усвоилъ.

Но вы спросите: гдѣ же и кто этому учитъ? Никто, конечно, и нигдѣ. Напротивъ, воспитатели покойника твердили ему на словахъ и въ поученіяхъ всегда противное, то есть, приказывали быть правдивымъ, честнымъ, прямымъ, даже добродѣтельнымъ; да вотъ бѣда, — отъ слова не сбудется, крикомъ изба рубится; поле и всего–то въ одинъ перекликъ, да не перейдешь самъ, такъ и не будешь тамъ, хошь кричи, не кричи. Покойникъ же слѣдовалъ наставникамъ своимъ всегда и во всемъ, доколѣ ходилъ между нами въ тяжелкѣ своемъ, то есть, онъ всегда хвалилъ одну правду и всѣмъ

наказывалъ любить ее; но онъ не путалъ слова и дѣла, и различая одно отъ другаго, какъ привыкъ видѣть съизмалу, говорилъ всегда, что должно, а дѣлалъ, что было нужно.

Такимъ образомъ онъ, при самомъ вступленіи своемъ на поприще свѣта и людей, зная, что душа человѣка потемки, что она не зрима ни для кого, не безуспѣшно старался иногда быть угоднымъ хотя внѣшними пріемами своими, особенно жъ людямъ, отъ коихъ мірская участь его могла зависѣть. Изъ всего этого сдѣлается понятнымъ, что онъ, глядя, напримѣръ, на *кривое*, не смигивая глазомъ, могъ вымолвить самымъ убѣдительнымъ голосомъ: *прямо*; а еще краснорѣчивѣе могъ онъ написать, доказать и подписать это. Глядя на *прямое*, онъ также легко и свободно передѣлывалъ его въ *кривое*, утѣшая въ то же время слушателей своихъ прекраснымъ словомъ или поученіемъ о правдѣ и чести, а зрителей — самыми пріятными и мягкими пріемами. Словомъ, лице и изнанка, верхъ и ничка, правша и

накша, занимали у него каждое свое мѣсто, и онъ умѣлъ, какъ слѣдуетъ, отличать одно отъ другаго и выказывать наружу, что должно, а думать и дѣлать, что нужно.

Если вамъ случалось бывать на народныхъ зрѣлищахъ нашихъ, гдѣ все творится передъ вами на хитро–устроенныхъ подмосткахъ, съ легкимъ покатомъ впередъ, съ провалами, съ подъемами и другими замысловатыми приспособленіями; если вы тѣшились искусными лицедѣями, изъ коихъ каждый выходилъ къ намъ на показъ въ своемъ тяжелкѣ, въ своемъ рабочемъ кафтанишкѣ, стараясь угодить на васъ и руками, и ногами, и голосомъ, — то вы конечно не отказали имъ въ лептѣ своей, когда сборъ шелъ на пользу того, либо другаго, когда давался такъ называемый *бенефисъ*; а посему и польза этого умѣнья не подлежитъ спору, ни даже сомнѣнію: она очевидна.

Обратимся же въ послѣдній къ лежащему передъ нами тяжелку, или къ отшедшему въ вѣчность хозяину его, къ тому, кто его истаскалъ: и онъ вѣкъ свой не

сходилъ съ помосту, и если только бывали зрители или слушатели, живописалъ собою все, что шло къ дѣлу и къ мѣсту. Прибавимъ, что все представленіе это, на сколько оно продлилось, было сверхъ того именно тѣмъ, что называютъ *бенефисомъ;* сборъ шелъ на пользу хозяина. Спрашиваемъ, много ли бы онъ пріобрѣлъ, если бы выходилъ всегда на помостъ въ одномъ безсмѣнномъ зипунишкѣ своемъ, казалъ бы верхъ и подбой его, лицо и изнанку, казалъ бы и себя самого, каковъ есть — что бы онъ взялъ этимъ, кому угодилъ, кого удивилъ?

Но тяжелко истасканъ, выдти и показаться въ люди не въ чемъ; не взыщите, хозяинъ скрылся. Обычно приговариваютъ при этомъ: *миръ праху твоему*: и мы скажемъ: праху миръ; его никто болѣе не станетъ таскать по помостамъ; ему миръ и покой. Сдать его на вѣчныя времена въ платяную, поколѣ его моль и тля не изведутъ въ конецъ. Остатки та же моль разнесетъ на пыльныхъ

лапочкахъ своихъ, а вѣтры развѣютъ по туку, вмѣстѣ съ самою молью.

А чтожъ хозяинъ его? — У бѣднаго хозяина теперь нѣтъ ни пары, ни мундира, ни жилета съ хвостами, ни даже тяжелка; ему выдти и показаться въ люди не въ чемъ. Онъ теперь ходитъ — а быть можетъ и сидитъ гдѣ нибудь — какъ есть, по себѣ, безо всего; онъ весь сквозитъ, обогнуться и выхорошиться нечѣмъ.

Очнувшись, я съ трудомъ опомнился отъ безсмысленнаго бреда и подумалъ: Что за чепуха ину пору въ голову лѣзетъ! Ладно еще когда знаешь, что это бредъ, чепуха; ну а какъ она одолѣетъ тебя, что и не опознаешься, а подумаешь быль? — Вотъ и спятишь съ ума. Да, человѣкъ не скотина, испортить его не долго.